

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Т. М. Николаева

О ЧЕМ
РАССКАЗЫВАЮТ НАМ
ТЕКСТЫ?

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

УДК 811.161.1
ББК 81.031
Н 63

Работа выполнена при поддержке *Фонда фундаментальных лингвистических исследований* (<http://www.flri.ru>)

Николаева Т. М.

Н 63 О чем рассказывают нам тексты? — М.: Языки славянских культур, 2012. — 328 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0552-9

В книге члена-корреспондента РАН Т. М. Николаевой предлагается новый подход к анализу текста, основанный на «грамматике текста» в рамках Московской семиотической школы. Автор выступает против «традиционного литературоведения», базирующегося на том, что Т. М. Николаева называет «литературоведческим конвоем». В рамках нового подхода в книге демонстрируются неочевидные глубинные смыслы текстов классических русских авторов — Пушкина, Лермонтова и более поздних поэтов — Ахматовой, Гумилева и др. Выработанный Т. М. Николаевой метод поиска «ключа нарратива» позволяет увидеть новое и неожиданное не только у русских авторов, но и проследить ранее нераспознанную французскую струю у русских классиков. Книга состоит из трех разделов: русско-французские связи, новое в русской классике и более пестрый раздел — анализ современных текстов.

Книга рассчитана на филологов — как литературоведов, так и лингвистов.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована
картина И. Н. Крамского «Неизвестная» (1883 г.)
и фотоаграмма светланы ивановой*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0552-9

© Т. М. Николаева, 2012
© Языки славянских культур, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

I

О возможном влиянии одного текста О. Бальзака на судьбы русских поэтов	13
Числовые модели порока и добродетели (Семантика «оцифрованного времени» в «Манон Леско»)...	32
Поразительные совпадения двух текстов: загадка или нет?....	37
Князь Звездич и баронесса Штраль — кто они такие?.....	52
Шевардинский редут: два описания — два совпадения.....	75
«Дама в розовом».....	84
«Антибуржуазность» романа Пруста?.....	95

II

Пушкин, Лермонтов и купец Калашников.....	103
Неопределенность реальной ситуации и лингвистические средства ее оформления в пушкинских текстах	111
Пушкин и Боян	124
Переходы, превращения и возвращения Татьяны и античные реминисценции.....	147
Реконструкция единого «сна» у одиннадцати пушкинских героев	155
Функциональная нагрузка антитез и повторов в «Слове о полку Игореве»	176
Три пространства Игорева похода (художественное, летописное, «реальное»)	197

III

Метатекст и его функции в тексте (на материале Мариинского Евангелия)	219
«Из пламя и света рожденное слово»	238
Семантика убеждения: лингвотекстологический анализ речи Марка Антония над горбом Цезаря в драме Шекспира	255
Смерть властелина на охоте («Охота» Н. С. Гумилева и «Сероглазый король» А. А. Ахматовой)	264
«На улице Мынтулясы» Мирчи Элиаде: попытка расшифровки	276
Ф---въ / Ф---въ	287
А мы швейцару: «Отворите двери!»	305
Замечательное прозрение Р. Якобсона, или Почему Маяковский избегал прилагательных?	313

Предисловие

Эта книга содержит исследования автора, посвященные «разгадыванию» скрытой семантики художественных текстов. Работ такого типа у меня немного (можно добавить еще 20—25). Это — на фоне примерно 470 или более трудов по языкознанию. Правда, есть еще три специальных монографии; «Слово о полку Игореве»: лингвистика текста и поэтика» (1997); «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты» (1997); «Что же на самом деле написал Марсель Пруст?» (2012).

Разумеется, лингвистика и анализ текста теперь смыкаются все ближе и ближе. Безусловно, этому способствует эволюция семиотической теории. Особенно теории Московской семиотической школы во главе с В. Н. Топоровым, Вяч. Вс. Ивановым и другими. Но все же нужно сказать, что обращение к тому или иному тексту у меня всегда приходило как внезапное озарение, а начало подобных работ было не столь давним, тогда как за лингвистическими исследованиями почти всегда стоят протяженные метатеоретические и экспериментальные размышления и наблюдения.

В чем же тут дело? Я думаю, что за этой интуитивистской внезапностью скрываются долгие годы подспудных впечатлений и сопоставлений, претворяющихся в «непроизвольные знаки», если пользоваться терминами Ж. Делеза, восходящими к А. Бергсону.

И чаще всего бывает какая-то «зацепка», тайный ключ самого текста, который ведет филолога к внезапным для него самого обобщениям.

Но в последние десятилетия, как мне кажется, в официальном (или традиционном) нашем литературоведении вокруг текстов смыкается некое кольцо-оберег, которое я называю «литературоведческим конвоем». Конвой этот достаточно разнообразен.

Это может быть анализ эпохи, когда жил художник, это могут быть обретенные новинки его биографии, это могут быть поиски прототипов его героев. Это может быть описание окружающего его литературного и вообще культурного фона, даже биография его возлюбленной (возлюбленных), это может быть глубокий анализ его по-

литических взглядов. Наконец, секреты текста могут запрятываться исследователем (впрочем, часто и без попыток их разгадать) в описание общего литературного процесса данной страны или общемировой эволюции жанров. А между тем тексты прекрасных авторов (а именно в них и запрятаны смысловые тайны) просто вопиют, обращаясь к нам и демонстрируя разгадки своих загадок всеми способами нашего языка и коммуникативных ресурсов.

О данной книге можно сказать так: в ней представлены анализы текстов, только текстов и ничего, кроме текстов.

Таким образом, исходными были гипотезы о текстах. После чего эта тема развертывалась и делались попытки ее верификации.

Специальный отбор был сделан для того, чтобы показать разнообразие данных нам подсказок. Иногда они опираются на наш культурный фон и возможность типологических сопоставлений, а иногда — просто растут из какого-то мелкого лингвистического сора.

Первый раздел — это французский компонент русской литературы. Весь этот раздел посвящается памяти моего мужа Андрея Дмитриевича Михайлова, который мне помогал советами, хотя и считал меня слишком смелой. Работа над двумя последними текстами: «Шевардинский редут» и «Дама в розовом» началась после его смерти и кажется продиктованной им.

Вообще представляется странным не-обращение литературоведов — исследователей зарубежной литературы к русским текстам. *Rossica non leguntur?* В этом первом разделе много Лермонтова. Так, повесть Бальзака привела меня к аристократическому обществу *le seize*, подражающему *les treize* Бальзака, и к гипотезе, что слова «жадною толпой стоящие у трона» напоминают нам, что у трона стояла и царица, не всегда ведущая себя в рамках правил жены Цезаря и явно равнодушная к Дантесу. (Кстати, Э. Г. Герштейн считает, что она равнодушна была и к Лермонтову.)

Совершенно очевидно, что Пушкин и как поэт и как личность не отпускал Лермонтова. Отсюда и описание дуэли, описание расстановки сил и ситуации в целом в статье о «Купце Калашникове», которую принято считать вспыхнувшей у Лермонтова любовью к фольклорному началу.

Близость Лермонтова и Мериме пока еще ждет своего объяснения.

Также в конце концов к Лермонтову восходит странное исследование о том, что в определенное время — от заката до рассвета в мгlistых сумерках или багряном закате или даже в ясную ночь поэты

(но не все!) слышат какие-то отчетливые стихогенные невербальные звуки. Оно родилось из строки Лермонтова «Из пламя и света рожденное слово». Оказалось, что такие звуки слышат многие поэты.

Сны пушкинских героев описывались неоднократно, но, как правило, — по отдельности (сон Татьяны, сон Гринева и т. д.). Собранные воедино и рассмотренные по общему набору признаков, 11 снов пушкинских героев дали мне возможность увидеть за ними некий общий «страшный» текст, где есть падение с высоты, смерть от холодного оружия, чудовищное «застолье». Мертвецы, но не призраки, а иногда и неожиданные пророчества.

Распределение античных реминисценций по главам «Евгения Онегина» продемонстрировало привязанность «текста Татьяны» к теме Луны — Дианы — Артемиды. Последнее ведет и к корню Ἄρκτος ('медведь'), и потому неслучайно медведь во сне (по-русски медведь — это генерал) оказывается ее верным спутником. Тайна Татьяны по многим выявленным ключам текста объясняется в статье через архетипическое понятие Анимы.

Загадки преобразования князя Игоря и аксиология обращения Ярославны к языческим божествам-стихам раскрываются через анализ антитез-повторов, которые оказываются мощным лингвотекстологическим средством.

В третьем разделе, более пестром по привлечению разных средств к разгадкам текста и более пестром тематически, мы видим разные подходы и разные объемы текста.

Марку Антонию Кассий и Брут запретили упоминать их имена, но разрешили хвалить Цезаря. При помощи таких простых слов, как частицы и соединительные союзы, Шекспир устами Марка Антония постепенно снижает статус Брута и, возвышая Цезаря, говорит, что убить такого человека могли только *brutal beasts*, тем самым вводя имя Брута (на русский язык это перевести оказалось невозможным). Речь Марка Антония подробно разбирается в статье.

Понять границу *своих* и *чужих* помогает простенькая частица *a* в стихотворении Б. Окуджавы «А мы шведу: “Отворите двери”, где некоторые моменты все же остаются неразгаданными.

Красивым текстологическим «ключом» явилось нетривиальное словосочетание *Вечер ал*, соединяющее стихотворение Н. Гумилева «Охота» и «Сероглазый король» А. Ахматовой. За этими двумя стихотворениями просматриваются соединяющие их парные цепочки: Ахматова — Гумилев и история их отношений; Гумилев — парнасцы (Леконт де Лилль); Зигфрид и две любимых им женщины;

тема смерти властелина на охоте, столь популярная в эпоху fin de siècle.

Невероятно сложным для анализа оказался мистико-детективный рассказ великого Мирчи Элиаде «На улице Мынтулясы», где тайные смыслы текста как бы манят и ведут за собой. Не знаю, удалось ли мне их разгадать.

И, наконец, поводом для выдвижения нетрадиционной гипотезы явилось отраженное в дневниках и записях С. Эйзенштейна стремление найти. Обязательно найти кого-то с конкретными внешними данными на роль Федьки Басманова в фильме «Иван Грозный». (Фъ...Фъ). Вот тут сыграла свою роль интуиция-озарение.

Надеюсь, что читать мою книгу коллегам и любителям литературы будет интересно.

*Посвящается дорогой памяти моего мужа
Андрея Дмитриевича Михайлова*

≡ I ≡

О ВОЗМОЖНОМ ВЛИЯНИИ ОДНОГО ТЕКСТА О. БАЛЬЗАКА НА СУДЬБЫ РУССКИХ ПОЭТОВ*

1. Осенью 1835 года в петербургском обозрении «Revue étrangère» была опубликована повесть О. Бальзака «La fleur des poids» (буквально «цветок гороха» или «горошковый цвет», что означает «щеголь». См.: *Delesalle G. Dictionnaire Argot-Français et Français-Argot. Paris, 1899. P. 122*). Впоследствии эта повесть была издана в 1842 году в Париже под названием «Брачный контракт».

Журнал «Revue étrangère» был очень известен и очень популярен.

Его издателями были «придворные книготорговцы» Ф. Беллизар и С. Дюфур. Редакция помещалась в доме голландской церкви, у Полицейского моста. Поблизости помещалась и «придворная книжная лавка». Вот как пишет об этом магазине «Северная пчела» (14 апреля 1834 г. № 35, стр. 338):

Состоя в непосредственных сношениях со всеми книгопродавцами Европы, они получают все *новости* в самом скорейшем времени... Недавно открыли они собственную свою книжную лавку в Париже и приобрели в собственность несколько отличных новейших творений... Для лучшего сообщения всех новостей литературы и наук один из двух хозяев непременно находится в Париже (цит. по: [Реизов 1960: 296—297]).

Известно, что в библиотеке Пушкина имелся ряд книг, купленных у Беллизара и несколько томов «Revue étrangère». Сохранились довольно крупные счета на имя А. С. Пушкина от Беллизара. Так, в последний год своей жизни Пушкин 25 мая 1836 года покупает у Беллизара так называемую «Мистическую книгу» О. Бальзака, объединяющую в двух томах следующие произведения: «История Л. Ламбера», «Изгнанники», «Серафита» [Абрамович 1991: 217]. 2 июня 1836 года

* Большую помощь в разработке и фундировании высказанной мною гипотезы мне оказал А. Д. Михайлов, которому я от души благодарна.

Пушкин покупает в магазине Беллизара недавно вышедший роман Бальзака «Старик» («Le Centenaire») [Абрамович 1991: 226].

2. Повесть О. Бальзака стала известна и популярна. Вот отрывок из письма сестры Пушкина, О. С. Павлицевой, своему мужу от 18 февраля 1836 года:

...Окончила «Вечера Людовика XVIII» — интересные, но больше всего мне понравился «**Горошковый цвет**» Бальзака (выделено нами здесь и далее. — Т. Н.) (который, кстати, я полагаю, не приедет) и «Лилия в долине». Поверьте, это в сто тысяч раз лучше, чем ваше «Ни всегда ни никогда», но у нас с вами такие разные вкусы! [Письма Павлицевой 1994: 153].

Но все только что сказанное не передает и малой доли того, каким влиянием, каким авторитетом пользовался Бальзак и его герои: им подражали, с них брали пример. Русские поэты брали в качестве эпиграфа к своим стихам строки из Бальзака (Е. П. Растопчина, Н. Ф. Павлов и др.). А. И. Тургенев, готовя свое большое письмо для «Современника», в марте 1836 года встречается с Бальзаком, а также Шатобрианом и Токвилем [Абрамович 1991: 109]. Впоследствии этот текст А. И. Тургенева войдет в его «Хронику русского». С. П. Шевырев в «Парижских эскизах» (1839 г.) подробнейшим образом описывает свой визит к Бальзаку [Шевырев 1999], и это было всем интересно.

Впервые упоминания о нем появляются в русских журналах с 1830 года. В 1830 году О. В. Сомов опубликовал рецензию на «Сборник повестей О. де Бальзака» в «Литературной газете». (Ряд сведений, помещенных далее, приводится мною по изданию [Бальзак в русской литературе 1999].) Печатаются все активнее переводы из Бальзака (1831, 1832 годы и далее). Достаточно сказать о переводе «Евгении Гранде», опубликованном Ф. М. Достоевским в 1844 году. Его печатают журналы «Телескоп», «Сын отечества», «Библиотека для чтения». С 1832 года его публикуют отдельными изданиями и начинают переводить и статьи о нем. Сам Бальзак знал об этом и иногда высказывал желание переехать в Россию и оттуда лидерствовать в интеллектуальной Европе, но приехал только в 1843 году (более подробно о популярности О. Бальзака в России в этот период см.: [Реизов 1960; Balzac dans... 1993], а также [Михайлов 1997; Дмитриева 1997; Михайлов 1999]).

Много внимания уделяет ему В. Г. Белинский, анализируя и его тексты, и характер самого Бальзака («Литературные мечтания»

1834 г., «О русской повести и повестях Гоголя» 1835 г., «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» 1836 г. и далее). С энтузиазмом отзывается о нем Н. В. Станкевич (Письма Я. М. Неверову: июль 1833 г., два письма в январе 1834 г., письмо в январе 1835 г., письмо М. А. Бакунину в январе 1835 г.).

А. С. Пушкин еще в 1830 году пишет о «Записках Самсона, парижского палача», авторами этих «Записок» в действительности были О. Бальзак и Л.-Ф. Л'Эретье. В отрывке «Мы проводили вечер на даче» (1835) книга Бальзака «Физиология брака» приводится в качестве примера книги неблагопристойной и развращающей: «Вчера мы смотрели Anthony, а вон там у меня на камине валяется *La physiologie du mariage*. Неблагопристойно! Нашли, чем напугать». А в апреле 1831 года В. С. Голицын пишет Пушкину: «...посылаю Вам развратительную книгу (“*Physiologie du mariage*”), автора коей я хотел бы видеть повешенным за <...>». Правда, Пушкин находил Бальзака несколько вычурным: см. его письмо к Е. М. Хитрово в конце 1832 года: «*Comment n'avez vous pas honte d'avoir parlé si légèrement de Karr. Son roman a du génie et vaut bien le marivaudage de votre Balzac*».

Тема «Бальзак и русская литература» практически безмерна, но, не выходя за рамки интересующего нас периода, остановимся на интересе к Бальзаку такого, казалось бы, далекого от петербургской элиты человека, каким был сосланный тогда декабрист Вильгельм Кюхельбекер [Кюхельбекер 1979]. Правда, о восприятии Кюхельбекером Бальзака существует специальная статья Ю. Н. Тынянова «Декабрист и Бальзак» [Тынянов 1968: 329—346]. Итак, 1 июля 1834 года В. Кюхельбекер пишет: «Прочел я в “Сыне отечества” повесть Бальзака “Рекрут”; она занимательна и жива, но я ожидал чего-то особенного — и ошибся» [Там же: 320]. 12 июля: «В “Сыне отечества” прочел я превосходный отрывок из Бальзакова романа “*La peau de chagrin*”. Этот отрывок несколько напоминает превосходную пляску стульев, вешалок и столов у Вашингтона Ирвинга; быть может, арабск американца подал даже Бальзаку первую мысль — но разница все же непомерная: у Ирвинга хохочешь, у Бальзака содрогаешься» [Там же: 322]. 17 июля того же года: «Бальзак человек с огромным дарованием; отрывок из его повести “Саразин” в “Сыне отечества” под заглавием “Два портрета” — удивителен» [Там же: 323]. 25 июля: «Пишу о Бальзаке, потому что после его прелестной повести “Г-жа Фирмиани” (о “Мадам Фирмиани” в дневнике Кюхельбекера есть еще несколько записей. — *Т. Н.*) не могу заняться чем-нибудь другим. Это в своем роде *chef d'oeuvre*» [Там же: 325]. 26 июля того же года: